

Гу У сидел на своем «Черном Крыле», вглядываясь в наполовину погруженное в морские волны затухающее солнце. «Черное Крыло» представляло собой огромную рифовую скалу, и Гу У казалось, что она очень похожа на крыло черного орла. Сад Гулан некогда был самым знаменитым садом Города Оракула: с одной стороны он примыкал к морю, с другой — к горам, и славился живописными пейзажами, а возвышающиеся Башни Орлиных Крыльев слыли непревзойденными в эту эпоху. Однако двести лет назад епископ закрыл его, и теперь лишь редкие счастливицы могли воочию лицезреть его былое величие.

— Господин, ну у вас и выдержка. В такой момент вы еще находитесь в столь безмятежном расположении духа, чтобы любоваться закатным сиянием.

Гу У даже не оборачивался — он и так знал, кто пришел. Это был генерал конной разведки Города Оракула Рыжая Лисица Шаньлинь. Еще в юности он лишился одного глаза; поговаривали, будто он украл жемчужину у охотящихся на прилив рыболовцев, и те выковыряли ему глаз в качестве компенсации. То ли из-за этой одноглазости, то ли по какой другой причине, но Гу У всегда казалось, что у него крысиная морда и отталкивающая внешность. Однако окружающие с этим явно не соглашались. По крайней мере, генерал Рыжая Лисица — уж точно нет.

Гу У обернулся и увидел, как тот согнулся в пояснении, отвешивая ему почтительный поклон телохранителя. Он приподнял бровь, заставив себя улыбнуться, и кивком выразил ответное приветствие:

— Генерал, а у вас выдержка покруче моей.

Услышав похвалу, Шаньлинь чрезвычайно доволен, неизбежно испытывая некоторую гордость:

— На твоём месте любой другой уже давным-давно несея бы со всех ног. Господин, вы должны понимать: то, что сейчас у меня в голове — это пророчество, от которого зависят судьбы семи государств.

Гу У машинально окинул взглядом окрестности и тут же мысленно посмеялся над собой: вокруг «Черного Крыла» простирался лишь пустой пляж, подслушивать здесь было абсолютно некому.

— Судьбы семи государств? — на лице Гу У появилась улыбка неверия.

Генерал Шаньлинь послушно попался на удочку и с простодушным видом выложил пророчество:

— В день схождения трех лун родится Принцесса Небесного Свода. Тот, кто заполучит эту принцессу, станет владыкой, управляющим континентом Серединных Земель.

Произнеся эти слова, Рыжая Лисица Шаньлинь почувствовал себя словно сбросивший тяжелый груз с плеч, а в глубине души даже затаил легкую гордость. Гу У же тем временем погрузился в глубокие размышления. Шаньлинь вдруг немного занервничал; он украдкой покосился на этого жреца в красных одеждах: то ли от вечернего заката, то ли от его алого наряда лицо того казалось покрасневшимся, и даже глаза слегка покраснели.

Это заставило Шаньлиня почувствовать неловкость — всякий раз, когда кто-то проявлял перед ним хоть малейшую эмоцию, он ощущал себя не в своей тарелке. Он поднял голову, окинул взглядом окрестности, сухо кашлянул и постарался выровнять голос:

— Господин, Пророк скончался.

— Мм, — Гу У кивнул, выглядя несколько рассеянным. — Все знали, что он уже одной ногой в могиле, но надо же было случиться такому совпадению: едва изрек пророчество, как испустил дух.

Шаньлинь пожал плечами и попрощался с Гу У:

— Господин, Пророк умер, и епископ наверняка лично займется организацией похорон. Мне нужно идти в Гвардию Ближнего Круга, чтобы отобрать кандидатов на роль распорядителя вина, надо заранее подготовиться.

— Разве там нет командующего? Почему тебе самому поручено отбирать?

Но Гу У, очевидно, не придавал значения подобным вещам; бросив это дежурное замечание, он махнул рукой и с тяжелым сердцем повернулся, чтобы уйти. Шаньлиню не нужно было гадать, чтобы понять: тот подсчитывает, сколько времени осталось до схождения трех лун — если летопись Оракула не врёт, это произойдет через шесть месяцев.

Однако, видя, как Гу У просто уходит, Шаньлинь снова почувствовал некоторую тревогу: по заведенному обыкновению Гу У непременно должен был настрого наказать ему хранить строжайшую тайну и никому об этом не заикаться; но сегодня он вел себя совершенно иначе и даже не обмолвился ни единым словом предостережения. «Может быть, он сейчас думает вовсе не о том, чтобы высчитывать даты, а о том, как заполучить эту принцессу!» — шагал Шаньлинь и строил самые дикие догадки.

Скала «Черное Крыло» находилась совсем близко к Фиолетовой Башне Орлиного Крыла; Фиолетовая и Золотая Башни Орлиного Крыла были возведены прямо на скалах обрыва Горы Орлиных Крыльев путем высечения камня. Фиолетовая башня примыкала к Южной горе, а Золотая — к Северной. Южная гора Горы Орлиных Крыльев когда-то славилась залежами кордиерита, а Северная — мрамора; после долгих лет разработки обе горы изнутри были выдолблены до пустоты, добывать там стало больше нечего, осталась лишь огромная пустая оболочка. Тысячелетия назад тогдашний епископ Города Оракула, проявив незаурядную фантазию и потратив огромные средства, превратил две пустые горы в высокие башни. Благодаря труду мастеров-камнерезов северная горная башня под лучами солнца сияла золотом, а южная переливалась фиолетовыми искрами; отражая друг друга, они стали самым величественным зрелищем Города Оракула. Между двумя башнями были построены терема и дворцы, а также разбит дворцовый сад, который из-за близости к острову Гуланъюй называли Садам Гулан.

Шаньлинь собирался выйти из сада через Фиолетовую башню — она служила жертвенным храмом и хранилищем свитков Города Оракула. Чем больше становилось богачей, тем меньше оставалось тех, кто читал книги. Ныне в Фиолетовой башне, помимо патрулирующих бойцов

Гвардии Ближнего Круга и дежурных монахов, почти не встречалось ученых, приходящих почитать свитки. Тщательно отобранные со всех концов земли ученые собирались в Золотой башне: днем они вели высокопарные речи и бичевали государственную политику разных стран, а по ночам предавались пьянству и разврату в кварталах красных фонарей, ничем не отличаясь от придворных министров. Проходя через ворота под Фиолетовой башней, Шаньлинь заметил, что привратники куда-то подевались: из десяти человек осталось всего двое. Один сидел у железной ворот и тер руки, а другой пил вино в караульной будке.

Увидев Рыжую Лисицу, паренек у железных ворот явно испугался, торопливо вскочил на ноги и, одновременно заискивающе кивая и шаря рукой у пояса в поисках железного ключа, выпалил:

— Генерал! Вы собрались из сада?

Шаньлинь замер и бросил на него взгляд. Паренек с заискивающей улыбкой пояснил:

— Генерал, вы, возможно, еще не знаете: только что пришло известие, что господин Пророк преставился. Епископ собирается устроить похороны в Золотой башне. Командующий отдал приказ: епископ требует, чтобы вы отобрали двадцать одного человека из Гвардии Ближнего Круга для переноски гроба и сопровождения погребальных носилок господина Пророка. Стоит кому-то попасть в этот список и без огрехов завершить похороны, как все эти двадцать один человек будут возведены в ранг распорядителей вина. Узнав об этом, остальные толпой бросились добиваться отбора. Господин, они же все ждут вас, а вы как назло именно сейчас собрались покинуть сад...

— А ты чего не идешь в кандидаты? — с легким раздражением перебил его Шаньлинь. — Живей отпирай ворота. Как пройду, сразу ступай подавать заявку на отбор. Оставь этого пьянчугу сторожить ворота, с него хватит.

Услышав указание Рыжей Лисицы, паренек в спешке принялся открывать ворота и, торопливо толкнув тяжелые створы, заговорил дрожащим голосом:

— Господин, меня зовут Цангоу, я побочный сын рода Шанье.

Шаньлинь шагнул за порог, даже не обернувшись, лишь фыркнул носом и холодно бросил:

— Побочный сын? И что с того, что побочный? Я ведь тоже побочный сын!

Цангоу сдавленно выдохнул «эй», запер замок, бросил ключи пьянчуге в будку и пустился бегом.

Шаньлинь миновал длинный коридор Фиолетовой башни и направился напрямик в гарнизон Стражи Пурпурного Тун. В просторном дворе стражи находил всего несколько человек: писарь и счетовод болтали в какой-то мансарде на втором этаже административного здания, и их раскатистый смех напоминал дешевую старую продажную девку, лстящую немощным старым клиентам. В вестибюле на первом этаже сидел дежурный — мужчина за сорок; судя по его чистым вискам и аккуратным бровям, он походил на любящего себя принца, но круглое пузатое брюхо и тощий зад делали его похожим на пресыщенного праздностью и никчемного

правителя-смутьяна.

Шаньлинь узнал этого дежурного: тот происходил из боковой ветви рода Хэгу и звался Синьлю. Неизвестно уж по линии какого из побочных сыновей тянулось это родство. Его предки издавна жили в Королевстве Цяньчжан и промышляли торговлей в Серебряной Столице, но несколько лет назад из-за войны двух царей в Государстве Цяньчжан вся семья была вынуждена перебраться на Остров Божественного Знамени. В разгар смуты и лихолетья много денег и имущества прихватить они не осмелились, и, прибыв в Город Оракула со всей чадолюбивой родней, они не имели за душой больших богатств, так что купили старый ветхий дом в самом глухом районе Стражи Пурпурного Тун. Поскольку он был грамотен и умел составлять официальные бумаги, через знакомых ему удалось пристроиться дежурным в гарнизон Стражи Пурпурного Тун. И хотя жалование было мизерным, на жизнь семьи этого хватало, а больше не нужно было скитаться по свету.

Шаньлинь бросил на него пару взглядов: тот отсутствующим взором пялился на висевшие на стене солнечные часы — должно быть, мучительно ждал конца смены. Рыжая Лисица глубоко презирал таких ничтожных людишек, которые просиживают штаны и тянут лямку времени, и в душе презрительно скривился, даже не удостоив его приветствием. Он тихонько завернул в чайную комнату сбоку от дворового корпуса.

У входа в чайную стояла низкая длинная скамья с подлокотниками и спинкой — судя по всему, ее утащили из главного вестибюля стражи; от долгих лет краска на ней сильно облупилась, и некогда красно-коричневая поверхность пестрела пятнами, из-за чего при беглом взгляде скамья походила на больного оспой. Сейчас на ней примостился тощий и сухой мужчина. Хотя он тоже был одет в форму стражника, его фигура была чрезмерно тщедушной, и после того, как он туго затянул пояс, длинноватая верхняя одежда выглядела почти как платье ниже колен. Сам он о внешнем виде особо не заботился: белая окантовка его шапки полностью почернела, кожа за ушами покрылась сажей, а кисти рук были испещрены черными трещинами от тяжелой работы, так что видом он напоминал не стражника, а шахтера с Горы Черной Грязи.

Этого человека звали Хэйюй, он принадлежал к роду Цяньтан. Завидев Рыжую Лисицу, он тут же соскочил со скамьи, с угодливой улыбкой бросился навстречу и, не дожидаясь, пока Шаньлинь заговорит, торопливо доложил:

— Господин, Фэйюй еще не вернулся. Вы не беспокойтесь. Уж коль он взялся, то непременно поймает этого сопляка.

Шаньлинь провел ладонью по лицу и тяжело плюхнулся на скамью, сдвинув брови в комок:

— Подросток! Всего-то одиннадцати-двенадцати лет! А ушел уже столько времени назад!

Хэйюй, заметив его мрачное лицо, потирая руки и полусогнувшись, осторожно осведомился:

— Господин, может, мне сходить проведать? А вы пока подождите здесь?

Шаньлинь искоса глянул на него и со злостью ударил ладонью по подлокотнику:

— Так ступай же быстрее!

Хэйюй испуганно вздрогнул и бросился прочь из комнаты.

Шаньлинь скрежетал пальцами по подлокотнику, а его сердце колотилось о рёбра: когда он только что шел докладывать жрецу о пророчестве Пророка, и то не испытывал такого волнения! Шаньлинь поднял голову, заставляя себя осмотреть эту комнату. За последние десяток лет здесь не изменилось почти ничего — разве что всё сильнее обветшало да появилась эта длинная скамья под ним. Когда-то Шаньлинь тоже состоял в Страже Пурпурного Тун. Десяток лет назад он точно так же завтракал и пил чай в этой чайной. Вот только заваривал чай тогда вовсе не этот сухой и тощий старикашка Хэйюй, а Цзиньлинь из рода Цяньтан.

Цзиньлинь была редкой красавицей, каких поискать в роду Цяньтан. У нее были волосы чистейшего золотого цвета — тонкие и пушистые; когда она их собирала, это напоминало небольшую гору золотых монет, а когда распускала — струящийся золотой водопад. Вот только при всей своей красоте судьба у нее выдалась несчастливой, и в конце концов корыстолюбивый отец выдал ее замуж за Султана из рода Линь Хай.

При одном воспоминании о Султানে у Шаньлиня начинали зубы ноть. Этот малый не только увел такую лакомку, как Цзиньлинь, но и точил зуб на должность генерала конной разведки. Благодаря благосклонности Черного Жреца он всего за четыре года прошел путь от простого инструктора Гвардии Ближнего Круга до командующего.

И теперь этот ненавистный командующий разослал всем бойцам Гвардии Ближнего Круга извещение, дожидаясь, пока Шаньлинь явится выбирать каких-то проклятых распорядителей вина! Намерение Султана было предельно очевидным: раз он один не может следить за Шаньлинем, пусть за ним следят все гвардейцы поголовно! Куда бы ни направился Рыжая Лисица, всегда найдется кто-то, кто тут же доложит о нем командующему!

При этой мысли Шаньлинь невольно поднял взгляд на окно чайной. За стеклом еще теплились остатки закатного багрянца — стояла весна, и сейчас на небе главенствовало красное светило, тогда как лучи желтого, золотого и серебряного светил были крайне слабыми, особенно в преддверии сумерек, когда весь небосвод окрашивался в бледно-красные тона.

Шаньлинь чувствовал себя как на иголках, его ноги беспрестанно и бессознательно подрагивали — выходить сейчас было никак нельзя, ведь патрульные отряды стражи вот-вот должны были заступить на обход. Кругом полно глаз и ушей, стоит чуть зазеваться, и кто-нибудь непременно заметит.

Только вот проклятый Хэйюй убежал и пропал без вести, а во всем дворе был слышен лишь мерный стук шагов Синью — оставалось лишь ждать, пока солнце окончательно сядет и луна займет свое место на циферблате, и только тогда он сможет отправиться домой. Шаньлинь облизал пересохшие губы, заставляя себя успокоиться: столько времени он провел в ходьбе и в сидении, а во рту не было ни капли воды, горло уже почти пересохло. Чего-чего, а чая в чайной

всегда должно быть вдоволь.

Шаньлинь поднялся, выглянул наружу и убедился, что уголь в печке давно погас, засыпав топку холодной золой. Пощупав чайник, он нащупал ледяной металл; приподняв крышку, он обнаружил внутри лужицу застоявшейся воды отвратительного запаха — неизвестно, сколько времени она там прокисала. Шаньлинь с отвращением сплюнул и швырнул крышку обратно.

Он уже собирался выругаться, как снаружи раздалось шуршание, и в комнату кто-то стремительно ворвался.

Впереди всех шел Фэйюй Цяньтан. Фэйюй, разменявшему четвертый десяток, приходился братом Хэйюю; хоть он и был сухощав, но славился своей выдающейся физической силой. Когда Султан покинул Стражу Пурпурного Тун, именно он занял место капитана. Впрочем, он был первым капитаном стражи из рода Цяньтан! Из-за того, что при вступлении в должность он был слишком молод и боялся, что его станут презирать, он отпустил бороду и упорно не брился, так что его щеки заросли черной косматкой. При первом взгляде он казался вылитым пиратом с разыскиваемых по всему рынку плакатов о награде за поимку.

Увидев его, Шаньлинь тут же принялся всматриваться ему за спину: позади Фэйюя маячила тощая фигурка — это был Хэйюй, а вовсе не какой-то там ребенок одиннадцати-двенадцати лет. Сердце Шаньлиня тут же рухнуло вниз, и происходящее показалось ему невероятным:

— Ты не поймал его?

Фэйюй с мрачным выражением лица покачал головой:

— Его не было дома. Следуя вашему приказу и опасаясь поднять шум, я лишь расставил двоих парней в черных балахонах караулить у его дома. Оба надежные, глазастые, не раз выручали. Стоило ему вернуться — ни за что бы не ушел.

Шаньлинь почувствовал во рту горьковатый привкус:

— Как звали того мальчика? Синье? У нас редко дают такие имена, чьим же родственником он приходится?

— Он из рода Хэгу, — ответил Фэйюй. — Я навел справки, его зовут Синье Гуфэн. Он сын старшей дочери рода Хэгу. Говорят, его родители погибли, а наследства не осталось. Сейчас его приютили в роде Хэгу. В том самом роду нашего стражника Синью.

— Синье Гуфэн? — Шаньлинь несколько раз повторил это имя, и чем больше повторял, тем сильнее запутывался. — Гуфэн? Гуфэн? На фамилию простолюдина это не похоже. Но хоть убей, не могу припомнить, чтобы в какой-то из стран была такая знать!

Из вестибюля донесся грохот — это Синью Хэгу задвигал ящиками стола, закрывал окна и запирали двери. Красное зарево за окнами уже полностью исчезло, а сияние луны озарило землю, окутав весь мир тончайшей молочно-белой дымкой.

<http://bllate.org/book/21187/2145305>